

приводит родословную Готфрида: он родился в королевстве франков, в реймской провинции, в городе Булоне, на берегу Английского моря; его отец, Евстафий, был графом города, а мать, Ида, сестрой герцога Лотарингского, Готфрида Стурмы (Дорбатого); от этого брака родились три сына: Готфрид, герцог Лотарингский, усыновленный своим дядей и потому наследовавший ему; Балдуин, граф Эдесский, наследовавший брату в Иерусалиме, и Евстафий, граф Бульонский, наследовавший отцу в его родовом владении; дочь последнего Матильда, была замужем за Стефаном Блоа, королем Англии. Далее автор обращается к легендам и рассказам о деятельности Готфрида до Крестового похода.

VI. Мать этих столь великих князей, святая, религиозная и богоугодная женщина (Ида), когда ее дети были еще в нежном возрасте, предвидела, по внушению Духа Святого, их будущую судьбу и предсказала все, что из них выйдет. Однажды ее сыновья играли как то свойственно детям около матери и, толкая друг друга, припадали на ее грудь; случилось, что в эту минуту, когда вошел их отец, уважаемый граф Евстафий, дети спрятались под плащ (chlamyde) своей матери. Так как они и там продолжали возиться, шалия руками и ногами, граф спросил, что такое под ее плащом шевелится? Говорят, что она отвечала: «Там сидят три великих владетеля: один будет герцог, другой король, а третий граф». Впоследствии, Божьей милостью, это предсказание исполнилось, и дело доказало, что слова матери сбылись, ибо первый из них, государь Готфрид, наследовал своему дяде в герцогстве (Лотарингском) и потом по выбору князей достиг иерусалимского престола, имея своим преемником следующего брата, государя Балдуина; а третий, государь Евстафий, был после смерти отца его преемником и получил дедовское наследство. Басню о лебеде и о сверхъестественном происхождении братьев я пропускаю с намерением, хотя в справедливости того уверяют многие повествования¹; но мне кажется это противным всякой истине. Потому, отложив этот рассказ в сторону, мы обратимся к услышанному нами о герцоге; между всем прочим, что он совершил с обыкновенной ему славою, есть некоторые обстоятель-

ства, особенно достойные воспоминания, так что мы намерены внести их в наш рассказ.

VII. На одном поединке, в который Готфрид вступил весьма неохотно, но от которого отказаться не было возможности, по существующим обычаям в стране, не потеряв чести, он отличился замечательным образом, и это событие следует занести в наше повествование. Этот знаменитый муж был вызван в самом дворце императора (немецкого короля Генриха IV, которому Готфрид служил в качестве герцога Лотарингского) одним могущественным и благородным лицом, принадлежавшим к числу князей и бывшим в родстве с императором; поводом же к поединку послужил спор за добычу и вопрос о богатом наследстве. В назначенный для решения распри день обе стороны, и истец, и обвиненный, явились ко двору. По открытии заседания, когда тот упомянутый благородный изложил свою жалобу, а герцог всеми силами старался его опровергнуть, определено было по законам страны единоборство и поединок (topotachia et pugna singularis). Высокие князья империи употребили все усилия, чтобы столь знаменитые мужи отказались от намерения выставить себя народу на позор столь недостойным образом и вступить друг с другом в бой, в котором честь одного из двух непременно пострадает; но их убеждения остались бесплодны; императорский приговор был исполнен, и бойцы выступили на площадь, окруженную со всех сторон народом и князьями, помещенными в определенном месте, чтобы попытать свое счастье. Когда высокие и знаменитые соперники мужественно и храбро дрались, случилось, что герцог, нанеся удар противнику по его щиту, переломил меч, так что в руках его остался кусок клинка, не более полуфута длиной от рукоятки. Когда окружавшие князья увидели, что положение герцога сделалось весьма невыгодно, они объявили перемирие и убедительно просили императора разрешить покончить спор мужественных князей мирным образом. Но герцог сурово отклонил все мирные предложения; он стоял на своем и возобновил борьбу снова. Его противник, имея в руках цельный

¹ Так о том говорит Альберт Ахенский.